

Размышления над новой книгой

© 2001 г.

А.В. ДМИТРИЕВ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ЗАМЕТНОЕ СОБЫТИЕ

ДМИТРИЕВ Анатолий Васильевич - член-корреспондент Российской академии наук.

Монография члена-корреспондента Российской академии наук М.Н. Руткевича несомненно привлечет внимание членов социологического сообщества¹. Причина подобного предположения заключается не столько в том, что она является продолжением других его книг (Диалектика и социология. М.: Мысль, 1980 и Макросоциология. М.: Изд-во Ин-та философии РАН, 1995), сколько острой взглядов автора на проблемы, поставленные перед обществоведами качественными изменениями на пороге XXI века. Интерес к работе известного ученого определяется также тем, что ее автор не относится к людям, меняющим свои убеждения чуть ли не ежегодно. К тому же его полемический дар знаком многим российским обществоведам.

Название книги предопределяет рассмотрение общества как системы: *социума* - как отдельного сообщества, и *человечества* - как глобального сообщества. Отмечая известную ограниченность подходов Т. Парсонса, Л. Козера, а также их российских почитателей (И.Б. Блауберга, В.Н. Садовского и др.), М.Н. Руткевич доказывает необходимость внимания к внутренним и внешним **противоречиям**, к их наиболее острым проявлениям - конфликтам. Естественно, наибольшее внимание он уделяет России, причинам и следствиям переживаемого нашей страной затяжного глубокого кризиса, возможным путям выхода из него, ускорению процессов глобализации и месту России в изменяющемся мире.

Для социума главными являются обусловленные различиями в социально-экономическом положении (и поэтому в объективных интересах), их осознанием и разрешением в сфере политики противоречия между большими *социальными группами*; для глобальной системы - противоречия в интересах между этносами, в наши дни *нациями-государствами* и их объединениями разного типа и масштаба. В монографии (и в этом усматриваю важнейший пункт методологических установок автора) речь идет не о противоречиях вообще, а о *сущностных, глубинных* противоречиях, притом взятых не по одиночке, по случайной выборке, а в их взаимной связи. Иначе говоря, рассмотрение общества, как системы, с позиций теоретической социологии означает необходимость обнаружения **системы противоречий**, развертывание которой и одновременно разрешение обуславливает процесс развития как социума, так и глобального сообщества.

Системный подход для автора означает (в обозначенных выше ракурсах) обязанность рассмотрения социума, а тем самым и глобальных процессов, как системы, основными элементами которой выступают не только социальные группы или этносы, государства, но также различные стороны или области общественной жизни, как-то: экономика, политика, право, духовная жизнь (культура) во всех ее проявлениях на разных уровнях общественной психологии и идеологии. Разграничение базиса и разных "этажей" надстройки сохраняет свое значение при неперменном условии раскрытия характера взаимодействия между ними; автор является последовательным критиком как модного в постмодернизме приписывания первичности идеологии сравнительно с практической деятельностью, так и вульгарной трактовки этой связи в духе редукционизма, т.е. сведения всех явлений политической и духовной жизни к экономическим их корням.

¹ Руткевич М.Н. Общество как система. Социологические очерки. СПб.: Алетей, 2001.

Автор настаивает на строгом соблюдении *междисциплинарного* подхода, который расшифровывается им следующим образом. Колоссальные по объему и непрерывно умножающиеся в ходе истории материалы, добываемые совокупностью наук об обществе, в том числе в рамках собственно социологии на основе многообразных эмпирических исследований, подлежат осмыслению и обобщению в общей теоретической социологии, которая призвана находить закономерные тенденции исторического развития — как *социумов* разного цивилизационного типа, их переходов от низших стадий организации к более высоким, так и возникающего в ходе их взаимодействия *глобального сообщества* социумов, т.е. развития человеческого общества в процессе растущей глобализации, которая в наши дни порождает ухудшение состояния биосферы и создает угрозу самому существованию человечества.

В дискурсе глобальной системы, социальной структуры общества, социальной трансформации М.Н. Руткевич реализует указанные методологические установки. Пересказывать содержание этих глав, а тем самым книги в целом, не входит в мою задачу. Для иллюстрации плодотворности методологии автора остановлюсь на двух узловых вопросах, обладающих, на мой взгляд, максимальной актуальностью: предлагаемой им трактовке противоречий современного этапа глобализации и противоречий трансформирующегося российского общества.

В нашей печати обычно под глобализацией понимается некий объединительный процесс, начавшийся в конце XX и продолжающий набирать силу в XXI вв. По мнению автора, подобный взгляд суживает масштабы явления и препятствует широкому историческому подходу к глобализации, пониманию внутренней *диалектики* этого процесса, противоречий современного его этапа и перспектив его развития.

Предпосылкой нынешней стадии процесса глобализации, как неукоснительного расширения всесторонних связей между всеми регионами и всеми народами земли, является генетическое единство человечества. Последние данные антропологии свидетельствуют, что человек, как вид *homo sapiens*, появился в результате эволюции наших животных предков во вполне определенном районе земли (скорее всего в восточной Африке), а затем распространился по всей поверхности планеты, кроме Антарктиды. При наличии примитивных орудий труда первобытные люди овладели огнем, приручили наиболее полезные виды диких животных и смогли приспособиться к экстремальным условиям существования - от берегов Северного Ледовитого океана до пустынь Африки и Австралии и влажных джунглей Амазонии. Они сумели при расселении мигрировать на десятки тысяч километров по суше, перебраться из Евразии на американский континент, преодолеть водные просторы Тихого океана, чтобы заселить отстоящие друг от друга на тысячи километров острова. Результатом этого героического многотысячелетнего процесса оказалась потеря связей отдельных частей человечества друг с другом. Появление различных рас и многочисленных этносов, не знающих о взаимном существовании; их расселение в эпоху неолита подчас трактуются как первый этап глобализации. Автор рассматривает данный процесс как сохранение биологического, генетического единства и, тем самым, *предпосылку, условие* будущей глобализации, т.е. установления *реального* экономического и культурного *единства* человечества. Значение сохранения генетического единства доказывается, с одной стороны, *биологически* - успешными брачными узами между представителями различных рас и этносов, появлением жизнеспособного потомства, с другой стороны, *социально* - успешным освоением самыми отсталыми племенами (при наличии должных условий) достижений получившей наибольшее развитие европейской цивилизации.

Под глобализацией, таким образом, понимается долгий исторический процесс становления социального единства человечества.

Для понимания противоречивости процесса глобализации в наши дни автор использует методологические возможности *философии*, что встречается у российских социологов довольно редко, несмотря на то, что большинство из них - "остепененные" философы. Сложное переплетение, взаимодействие *глобальных, региональных и локальных тенденций развития* рассматривается М.Н. Руткевичем через призму категорий *общего, особенного и единичного*, с одной стороны, взаимодействия различных *сфер общественной жизни*, с другой.

Современный этап глобализации им характеризуется следующими основными чертами. В *экономической сфере* - развитием транснациональных корпораций; мгновенным переливом колоссальных свободных капиталов из одних континентов и стран в другие (что широко

используется финансовыми спекулянтами для обесценения национальной валюты и экономики регионов - как это было в 1998 г. со странами Юго-Восточной Азии, Бразилией и Россией); господством США в международных финансовых организациях (МВФ, Всемирный банк и т.д.) и долларизацией экономики многих стран; закабалением стран, прибегающих к помощи МВФ и других финансовых центров Запада, с помощью долговой удавки и т.д. В *военной сфере* - безусловным превосходством США и НАТО в военно-технической области, что дает возможность проводить карательные экспедиции (Ирак, Сербия) практически без людских потерь в собственных войсках и создавать новые орудия массового поражения. В *политической сфере* - системой союзов во главе с НАТО, фактическим диктатом США, их союзников и клиентов в международных организациях, уже упоминавшимся согласованием политических решений в рамках клуба наиболее сильных держав Запада и т.д. В *информационной сфере* - засильем американских СМИ, особенно в кино и телевидении, на мировой арене, а в последнее время также расширением сети ИНТЕРНЕТ и приданием английскому языку фактически статуса главного языка международного общения. Военно-политическое господство оказывается важнейшим рычагом закрепления и упрочения экономического господства.

В книге особо ставится вопрос о будущем России, как регионального центра, каким она являлась на протяжении веков, а в советские времена - одной из двух мировых держав. По мнению автора, пока что весьма проблематичной представляется интеграция постсоветского пространства и возрождение исторической России как "евразийского гиганта" — вследствие ослабления Российской Федерации после десятилетия провальных ельцинских "реформ", ошибочной социально-экономической политики нынешнего руководства страной, а также глубочайшей демографической катастрофы. Основной вывод автора таков: нынешний *однополюсный* мир неизбежно перерастет в *многополюсный* вследствие роста противоречий между глобальными и региональными тенденциями развития.

Внимание М.Н. Руткевича привлекает движение против глобализации, осуществляемой в ее нынешнем виде силами мирового империализма. Не случайно последние заседания мировой финансовой и политической элиты (Окинава, Сياتл, Прага, Давос и т.д.), проходившие под флагом углубления и прославления глобализации, вызвали к жизни многотысячные демонстрации протеста, которые полиции пришлось подавлять с помощью грубого насилия, применения слезоточивых газов. Естественно, в этих демонстрациях не могли принять участие миллионы людей, проживающих в "третьем" и "четвертом" (наименее развитом) мире. Но иммигрантов из этих стран на Западе миллионы. И не только они принимали участие в акциях протеста. Известный германский социолог Р. Дарендорф еще полвека назад назвал так называемое "общество всеобщего благосостояния" развитых стран "обществом двух третей", поскольку до трети их населения составляют иммигранты и их потомки, а также хронические безработные и другие социально "слабые" слои коренных граждан. Конечно, они не умирают от голода, но на общем фоне относительного благополучия испытывают серьезные лишения. Кроме того, надо учитывать, что в указанных демонстрациях был силен антиамериканизм, что объясняет присутствие в рядах протестующих граждан Японии, Канады, Европы.

Уделил автор внимание и получившим широкий резонанс на Западе воззрениям С. Хантингтона, который сделал вывод о неминуемом *столкновении цивилизаций*. Хантингтон связывает реальную и важную прежде всего в экономическом и политическом отношениях тенденцию регионализации с сохранением религиозных и нравственных различий между христианством (а также католичеством, протестантизмом и православием внутри него), исламом, индуизмом, буддизмом, конфуцианством и другими мировыми (отчасти региональными) религиями. М.Н. Руткевич считает, что Хантингтон прав лишь отчасти, особенно когда оценивает прошлое, обращаясь к средним векам и первым столетиям Нового времени, когда столкновение между христианством и исламом было идеологической оболочкой противостояния восточного и западного Средиземноморья и Южной Европы. Да и ныне освободительное движение в ряде стран Ближнего и Среднего Востока, а также террористическая деятельность мусульманских экстремистов в странах, расположенных по "дуге нестабильности" (Балканы, Кавказ, Афганистан, Таджикистан и т.д.), прикрывается зеленым знаменем ислама.

С. Хантингтон, по мнению автора, не прав в трех отношениях. Во-первых, он не учитывает, что основными выразителями региональных интересов на международной арене сегодня выступают не объединения весьма различных по уровню развития и весьма отдаленных географически народов под знаменем общей религии (Исламская конференция)

и весьма аморфные объединения стран слабо развитого континента (Организация африканского единства). Они раздраются внутренними противоречиями и принимают решения, которые никого ни к чему не обязывают. Главным носителем тенденций регионализации являются экономические региональные объединения, такие как Европейский Союз, НАФТА (США, Канада, Мексика), АСЕАН (объединение стран Юго-Восточной Азии) и т.д. Япония, Китай, Индия, как мощные державы, выступают в качестве региональных единиц; Россия может стать таковой в потенции.

Во-вторых, в концепции Хантингтона не учитывается роль государств среднего и малого масштаба, а также этнических групп, которые стремятся создать такое государство, выделившись из одного или нескольких существующих. Эта тенденция, которую автор называет тенденцией локализации, продолжает быть источником бесконечных конфликтов, которые неизбежно втягивают региональные и глобальные силы.

Третий, по мнению автора, основной недостаток концепции С. Хантингтона — непонимание им *диалектики взаимодействия трех рассматриваемых тенденций*. Безусловно, глобализация является главной, ведущей тенденцией. Но она при господстве США проявляется как тенденция американизации мира при подчинении его транснациональному капиталу. Народы, независимые государства и их региональные объединения, а также многочисленные политические партии и общественные организации выступают против глобализации потому, что она осуществляется в интересах правящих кругов США, или, попросту говоря, *золотого миллиарда* против пяти миллиардов, т.е. остального человечества.

Разумеется, замечания М.Н. Руткевича имеют право на существование. Мне пришлось побывать на международной конференции "Восток - Запад" (Кипр, 1997), где представители исламских стран Ближнего и Среднего Востока высказывали, иногда в непринятых в научных сообществах выражениях, свое негодование по поводу взглядов американского профессора, присутствовавшего на этой конференции. Однако, нам представляется, реальные события последних лет не только не вошли в противоречие с обозначенной выше концепцией, но и полностью ее подтвердили. И не только на территории России и Югославии, но и на всем протяжении границ исламского и христианского миров.

Но вернемся к проблемам глобализации. Она является *объективной* исторической необходимостью. Отрицание этой необходимости демонстрантами в Сиэтле или Праге объяснимо накалом страстей — люди борются против глобализации в том виде, который они реально наблюдают, чувствуют. От них нельзя требовать теоретического анализа. Мы хотели бы добавить к рассуждениям автора, что неверные оценки глобализации этого рода встречаются и в нашей стране, в т.ч. в научной печати и в политических документах левых сил. Так, весьма странно выглядит лозунг "Глобализация - конец истории", провозглашенный в призывах ЦК КПРФ к 7 ноября 2000 г. Этот лозунг дословно повторяет название статьи Фукуямы, только без вопросительного знака в конце, столь предусмотрительно поставленного американским политологом. Не подлежит сомнению, что это было продиктовано совершенно иными, противоположными теоретическими и практически-политическими соображениями, но отрицание объективного характера процессов глобализации представляется несерьезным.

Другой важнейший вопрос, всесторонне анализируемый автором в трех последних главах книги, касается социальных противоречий современного российского общества и попыток их разрешения властями на путях консолидации общества. Основой рассмотрения социальных противоречий в книге выступает общая оценка процесса трансформации, которая видится автором как превращение одного из вариантов раннего социализма, характерного для мобилизационной и милитаризованной экономики, в общество бюрократического коррумпированного капитализма. Особенность этого процесса в России (и в большинстве постсоветских государств) он усматривает в *масштабной социальной деградации, обусловленной политическими факторами*. В интегральном виде деградация российского общества проявляется в прогрессирующем *вымирании населения*. При характеристике демографических процессов в РФ автор, на мой взгляд, высказывает обоснованные сомнения насчет уместности ограничиваться в данном случае весьма расплывчатым термином *депопуляция*. Замечу от себя, что в послании президента В.В. Путина, адресованном Федеральному собранию весной 2000 г., наибольшая тревога была высказана как раз по поводу демографической ситуации в стране; кстати сказать, по данным статорганов, в 2000 г. сравнительно с цифрами 1999 г., которыми оперирует автор, естественная убыль населения возросла, предстоящая продолжительность жизни еще более снизилась.

Назревшая задача укрепления Российского государства и вывода страны из затянувшегося кризиса на путях ускоренного экономического роста настоятельно требует консолидации общества. Весь вопрос в том, каким образом, на каком пути данные цели могут быть достигнуты? М.Н. Руткевич подходит к проблеме с отмеченных выше методологических позиций, как проблеме соотношения экономики и политики, обнаружения и разрешения противоречий в интересах между образующими социальную структуру российского общества социальными группами и слоями.

Различия между социальными группами, входящими в них, а также особыми, стоящими вне их слоями, автор (в соответствии с марксистской традицией) усматривает в их отношении к средствам производства, роли в общественной организации труда, их месту в отношениях распределения и далее рассматривает эти различия как основу для возникновения социальных противоречий, без разрешения которых невозможна любая консолидация общества. В понимании характера этих противоречий он исходит из убеждения, что в Российской Федерации произошла реставрация капитализма, притом в весьма специфической его форме, которую обычно характеризуют как "номенклатурный", "бюрократический" и т.д. капитализм. В этих и подобных определениях содержится констатация того факта, что господствующее положение в обществе принадлежит государственной бюрократии в союзе с крупным частным капиталом, который завладел принадлежавшими ранее государству основными средствами производства. Исходя из этого, автором детально анализируются социальные противоречия *двух* родов - *внутри* нового господствующего класса, который кратко можно определить как *бизнес-бюрократию*, а также между ним и совокупностью людей *наемного труда*, составляющими основную массу трудящегося населения. Автором отмечено, что наряду с этими основными классами общества существенная роль принадлежит так называемому *среднему классу*, который он понимает как *совокупность промежуточных слоев*: мелких и средних бизнесменов (в большинстве своем занятых посреднической деятельностью в торговле и сфере услуг), фермеров, менеджеров среднего ранга, лиц свободных профессий и т.д. В современных условиях эти слои, составляющие по разным оценкам 15-20% экономически активного населения, в большинстве удовлетворены сложившимся в России типом рыночной экономики, являются резервом господствующего класса. Особое место в социальной структуре общества занимают *пенсионеры*, т.е. люди старших возрастов, самый многочисленный слой, насчитывающий 38,5 млн. чел. В нынешних условиях — это лица наемного труда в своей прошлой деятельности, в большинстве они солидарны с работниками физического и умственного труда, занятыми на условиях найма в государственных, акционированных, частных предприятиях и учреждениях.

В господствующем классе наметились *два существенных противоречия*, которые в настоящее время заметно обострились. Первое из них обусловлено неоднородностью и различием в интересах между слоями властной бюрократии в центре и на периферии страны. Оно является специфическим для России вследствие федеративного устройства и масштабов страны, пестроты этнического состава (при абсолютном большинстве русского населения), растущей оторванности территорий друг от друга из-за ослабления экономических и культурных связей. Иначе говоря, это противоречие между властными структурами Федерации, т.е. *центральной* властью, и получившими в процессе ельцинской "суверенизации" непомерные полномочия *региональными* властями. В ряде национальных республик рассматриваемое противоречие приобретает опасный для целостности страны *националистический оттенок*. Крайним выражением этой опасности является положение на Северном Кавказе.

Вторым важнейшим противоречием внутри правящего класса автор называет противоречие в интересах между его составными частями - *высшей бюрократией* и *крупной буржуазией*. Процесс их слияния в центре и регионах продолжается, но далек от завершения. Причина в том, что бюрократия, чиновничество неоднородно, как по масштабу полномочий и возможностям взимать "свою" долю с коммерческой деятельности, так и по степени коррумпированности - от полностью перешедших на содержание коммерческих структур и организованной преступности чиновников до честных управленцев, в том числе среди губернаторов и глав местного самоуправления.

Происходящее некоторое (далеко не полное) ограничение всевластия "олигархов" в экономике и их политического влияния на кремлевскую администрацию и правительство, по мнению автора, отвечает интересам общества. Поднятая принадлежащими олигархам

СМИ шумная кампания о "угрозе свободе слова" в связи с возбуждением уголовного дела против медиамагната Гусинского не встретила одобрения большинства населения. В укреплении центральной власти автор усматривает предпосылки для того, чтобы данное противоречие внутри господствующего класса, как и упоминаемое выше, разрешилось постепенно на основе серии *компромиссов* между бюрократией и крупным капиталом.

Принципиально иным образом подходит автор к основному социальному противоречию - между бизнес-бюрократией и большинством лиц наемного труда, как ныне работающими, так и завершившими трудовую деятельность. Программа дальнейшей либерализации экономики, намеченная Центром стратегических разработок Г. Грефа, принятая правительством за основу и начатая осуществляться, предполагает дальнейшее наступление на социальные права подавляющего большинства населения. В качестве примера анализируется принятая налоговая реформа. Составной ее частью является введение так называемой "плоской" ставки подоходного налога в 13% со *всех* физических лиц. Это означает увеличение на 1% ставки для граждан с невысоким уровнем доходов, но упраздняет существовавшую ранее прогрессивную шкалу налога с максимумом обложения 30%. Автор отмечает, что в Западной Европе этот максимум значительно выше - во Франции 54%, в Дании 63% и т.д. Аргументация правительства характеризуется им, как несостоятельная: богатых, мол, немного, к тому же они "все равно укрывают свои доходы". Наивным оценивается официально высказываемое предположение, что при ставке 13% богатые начнут его платить и в результате поступления в казну, якобы, возрастут. Автор полагает, что более справедливым было бы ужесточение контроля над сбором налогов, особенно с лиц, имеющих высокие доходы. Он задается вполне законным, на мой взгляд, вопросом: почему в России, где соотношение доходов 10% лиц с высшими и 10% с низшими доходами достигло показателя 14 (в то время как в Швеции 6, в СССР оно было от 3 до 5); не следовало бы "растянуть" рассматриваемую налоговую шкалу, чтобы отчасти сгладить пропасть между богатыми и бедными?

Коротко о рассуждениях автора в отношении перспектив развития указанного противоречия. Они представляются уместными, поскольку постоянно идут дебаты в обществе по капитальным по своей значимости социальным вопросам: о пенсионной реформе, трудовому кодексу, оплате жилья и коммунальных услуг на рыночной основе и т.д. Так, например, переход к принятой в развитых странах Запада так называемой накопительной пенсионной системе и порядку обеспечения жильем и коммунальными услугами по их полной стоимости - действительно назревшая задача, которая является важнейшей составной частью всей программы перехода к рыночной экономике. Вопрос в том - *как и в какие сроки* можно и следует осуществлять этот переход с учетом сложившейся в годы советской власти, ставшей привычной системы, притом в условиях глубокого кризиса хозяйства и бедности основной массы населения? В книге подвергнута критике позиция правительства и тех ученых, которые являются сторонниками *ускоренного* перехода к западной системе в сфере ЖКХ, которые аргументируют свои предложения невозможностью сохранять столь крупные дотации из бюджетов всех уровней на содержание жилья. Они настаивают на скорейшем включении рычагов хозрасчета во всех без исключения областях хозяйства, но при этом не хотят считаться с *социальными издержками* такого перехода в реальных условиях России начала XXI в., с неизбежным дальнейшим *понижением* уровня жизни миллионов малообеспеченных, т.е. большинства наемных работников, особенно "бюджетников".

Обсуждаются в книге также предложения о повышении на пять лет возраста выхода на пенсию. И здесь заимствовать западный опыт, по мнению автора, нельзя. Как известно, в большинстве европейских стран он для мужчин равен 65, а для женщин 60 лет: в скандинавских странах 65 - для тех и других. Но нельзя не учитывать тот печальный факт, что в 90-е гг. произошло резкое снижение средней продолжительности жизни вследствие ухудшения здоровья населения. Ныне средняя продолжительность жизни мужчин в России ниже 60 лет. Особенно убедительны приводимые в монографии подсчеты средней предстоящей продолжительности здоровой жизни, когда вычитаются годы болезни и инвалидности. Этот показатель, введенный Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), еще менее благоприятен для нас: у мужчин он составляет всего 56 лет, что связано с высоким потреблением алкоголя и табака, низким качеством питания, высокой смертностью в трудовом возрасте от травм, отравлений, убийств и самоубийств, несчастных случаев на производстве и на дорогах. Автор считает, что в современных условиях повышение пенсионного возраста было бы смертельным ударом для миллионов людей, и поэтому с

постепенным повышением возраста выхода на пенсию следует повременить до той поры, когда благосостояние и здоровье массы населения, показатель средней продолжительности жизни (особенно *здоровой* жизни) пойдут вверх вместе с ростом экономики, улучшением питания и снабжения лекарствами, повышением качества работы массовых (а не элитных) учреждений здравоохранения.

Возможно, такая точка зрения является сегодня преобладающей среди обществоведов. Однако, на мой взгляд, прямую корреляцию между сроками выхода на пенсию и смертностью еще необходимо доказать. Проблема в том, что ранний выход на пенсию у представителей многих профессий не только не удлиняет продолжительность оставшейся жизни, но, напротив, укорачивает ее.

В совокупности предлагаемая либералами-экономистами и вошедшая в разработки Центра стратегических исследований Г. Грефа и начатая осуществляться система мер преследует цель демонтажа остатков социальных завоеваний трудящихся. Она неизбежно будет означать дальнейшее обострение основного социального противоречия российского общества. Его разрешение настоятельно требует коренного изменения курса социально-экономической политики. Если кризис российского общества является результатом проведения в жизнь ошибочного курса, то и выход из этого кризиса невозможен без принятия нового курса социально-экономической политики, основные черты которой намечены, например, в рекомендациях виднейших экономистов - членов Отделения экономики РАН.

Я высказал свое мнение лишь по небольшому кругу проблем, поднятых в книге М.Н. Руткевича. К. сказанному следует добавить, что стиль автора отличается строгой логикой изложения и ясностью мысли. Дискуссия с другими учеными вносит в монографию заметное оживление и способствует прояснению авторской позиции. Самые сложные вопросы излагаются в ней так, что книга оказывается доступной для широкого круга читателей.